

84 (2Рос-Руч)6-4

Г 859 кр

**1941.
1945**

М 1402031

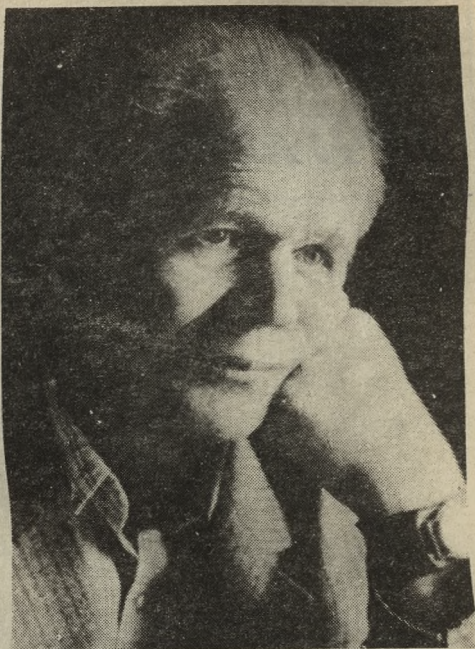
Василий
Гришаев

50 • летию народного подвига

В тыловом
городе

М1402031

**50-ЛЕТИЮ
НАРОДНОГО
ПОДВИГА
1941-1945**

Василий Федорович Гришаев родился в 1926 году в селе Верх-Бобровка Косихинского района Алтайского края. В 1944 - 1973 гг. служил в армии. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации работал в Бийском городском отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, краеведческом музее имени В.В. Бианки, краевом госархиве.

Автор книг "Прописаны навечно", "Тропой памяти", "Наша Мария", "Ефим Мамонтов", "Повесть об эргод-механикусе Ползунове", "Шушкин. Сростки. Пикет".

Член Союза писателей России.

Живет в Барнауле.

84 (2Рос-Руч) 6-4

Г 859 кр

Василий
Гришаев

В тыловом
городе

Бийск
НИЦ БигПИ
1995

ББК 84 Р7 - 4

Г 85

М 1402031

Гришаев Василий

Г 85

В тыловом городе / Предисл. В.А. Возчиков. - Бийск: НИЦ БиГПИ, 1995 — 72 с.

Новую книгу писателя-фронтовика составили очерки о тружениках небольшого сибирского города, которые поистине героической работой приближали великую Победу.

Для широкого круга читателей.

Г 4702010200 - 88
НИЦ БиГПИ - 95 без объявл.

ISBN 5 - 85127 - 051 - 9

© Алтайская краевая писательская организация. 1995

© Обложка В.М. Хвостенко. 1995

© Предисловие В.А. Возчиков. 1995

◆ Книги, посвященные 50-летию народного подвига, издаются по инициативе Алтайской краевой писательской организации с помощью комитета по культуре администрации края и научно-издательского центра Бийского педагогического института.

Возвращение

... К этой книге Василий Федорович Гришаев подготовил авторское предисловие. Небольшое, чуть меньше странички. Вообще, такое случается нередко: писатель использует возможность дать необходимые, на его взгляд, пояснения к тексту, или же рассказать о рождении замысла произведения, реальных прототипах персонажей... Да мало ли задач ставит перед собой художник, обращаясь непосредственно к читателю! Однако здесь — иной случай. Действительно, несколько десятков строк — что могут вместить они? Как говорится, не развернуться — ни с теорией, ни с творческой практикой...

И все же не назовешь случайным это немногословное, негромкое по интонации и скромное по форме обращение, которое еще лет десять-пятнадцать назад и не нужно было. Так уж случилось, что приходится нам в конце двадцатого столетия (вспомните, какими только превосходными эпитетами не награждали век, венчающий тысячелетие!) заниматься защитой... собственной истории.

Что произошло? Почему сегодня добросовестный труд на благо страны, некогда считавшийся главным мерилом общественной полезности гражда-

нина, трансформировался для многих в "неумение жить"? Бросившись в реформы, зачастую действительно необходимые, мы зачеркнули то, чем еще недавно по праву гордилась Россия — социальную защищенность человека. На наших глазах происходит "диссидентство наоборот", однако социальный заказ такого "ревизования" прошлого очевиден: когда не с чем сравнивать, остается только поддерживать...

Сегодня герои Гришаева беззащитны. Потому страничка авторского предисловия (да что там — вся книжка!) — шаг в строй тех, кто не представлял себя вне России и своего народа, воевал с фашизмом, сутками не уходил из цехов, делился кровом и хлебом с беженцами... В живых из них — немногие, ушедших — с каждым годом все больше... Писатель спас от забвения, вернул нашей памяти несколько десятков имен, не зная которые, жить, быть может, спокойнее, но покой этот иллюзорен: как можно идти вперед без надежного тыла?.. Он выполнил свой долг. Выполним ли свой мы?..

Токари Шура Шумкина и Саша Медведева, электросварщица Геня Фридрикс — восемнадцати-двадцатилетние девушки с завода "Продмаш" — были первыми бийскими тысячниками, то есть выполнявшими за смену десять норм. Анна Кубасова стала машинистом паровоза — редкий случай даже в годы войны. Десять дней не выходила из цеха бийского котельного завода бригада Таси Поликарповой — двадцать котлов срочно требовались для освобожденного Донбасса...

Эти и другие сведения мы найдем в новой книге В. Гришаева, завершает ко-

торую краткая хроника военных лет — результат кропотливой поисковой работы по созданию своеобразной летописи тылового Бийска. Сегодня писатель защищает город-труженик словом, как когда-то с оружием в руках.

Родом с Алтая (Гришасев родился в 1926 году в селе Верх-Бобровка Косихинского района), Василий Федорович попал на Великую Отечественную в 1944-м после ускоренных курсов командного состава. Военная служба продолжалась еще много лет после Победы...

Давнее увлечение историей переросло в творчество... Появляются очерки об интересных людях, первые краеведческие находки... А затем и книги — "Прописаны навечно", "Тропой памяти", "Ефим Мамонтов", "Повесть о берг-механикусе Ползунове", "Шукшин. Сроки. Пикет"...

Собранные в книге "В тыловом городе" очерки — думается, правильное именно так определить жанр этих историко-художественных изысканий — потенциальные сюжеты для будущих повестей и романов. Верится, что В.Ф. Гришасев еще обратится к широкому художественному полотну. Да и дело, которому он так преданно служит, требует этого...

В.А. Возчиков

От автора

В 1975 году я работал в Бийском краеведческом музее имени В.В. Бианки. К тридцатилетию Победы мы задумали сделать выставку "Боевой и трудовой подвиг" бийчан в годы Великой Отечественной войны". Мне поручили сбор материалов о тех, кто, как говорят, ковал победу в тылу.

Сколько ж исходил я тогда бийских улиц, сколько нашел замечательных людей, все отдавших в те суровые годы за алтарь Отечества! Счастлив, что судьба свела меня с ними.

К сожалению, имена их, в годы войны широко известные в Бийске, со временем оказались забыты или почти забыты. Некоторых из них я, сколько успел и сумел, рассказал тогда на страницах газеты "Бийский рабочий". А хотелось бы назвать всех поименно. Они это заслужили.

Часть моих зарисовок вошла позже в один из сборников. И вот теперь я решил их вновь опубликовать. Мне кажется, что и двадцать лет спустя они представляют определенный интерес, особенно для бийчан, равнодушных к истории родного города, к делам и судьбам людей, показавших себя в то далекое военное лихолетье истинными патриотами Родины.

Насколько я прав, судить Вам, читатель.

Автор

Тыловые будни

I

ИВАН ФЕДОРОВИЧ ЕЛКИН, председатель Бийского горисполкома, однажды увидел на двери одного из отделов табличку: "Прием граждан по личным вопросам с 14 до 18 часов"

Покачал головой, усмехнулся.

— Ну чиновники!

В тот же день собрал заведующих отделами.

— Вынужден напомнить, товарищи, — сказал он, сердито покашливая, — что в то время, когда мы с вами заседаем, там, — кивнул в сторону окна, — идет война. Стало быть здесь, — постучал пальцем по столу, — мы должны работать по-военному. Сейчас люди как никогда нуждаются в нашей помощи. Особенно — еще раз повторяю — эвакуированные. Многие из них приехали в Бийск с одним узелком. Растеряли семьи, родных, имущество. По пустякам они нас тревожить не станут. Да и бийчане тоже. Поэтому мы обязаны принять всех, сколько бы их не пришло, каждому помочь, а если не в силах помочь, то хотя бы объяснить — почему, чтобы человек ушел от нас без обиды в душе. Держать в такое время людей в коридоре, отгораживаться от них бюрократической табличкой — таких порядков я в горисполкоме не потерплю.

Один из заводов спросил недовольно:

— А когда же свою работу делать?

Иван Федорович недобро прищурился.

— Объясняю: это и есть наша работа.

Если же вы спрашиваете о бумагах, то делайте их ночью. Да, да! Когда на фронте льется кровь, мы здесь, в глубоком тылу, обязаны работать, не считаясь со временем. И на первом плане у нас должны быть люди, а не бумаги. Мы не царские крючкотворы—чиновники, а советская власть!

За советскую власть Иван Федорович воевал в гражданскую, в партизанской дивизии Третьяка, освобождавшей от колачакцев почти весь Горный Алтай. На эту войну он не попал износилось сердце. Совсем стало плохо, когда пришла похоронка на единственного сына Федю, ушедшего на фронт добровольцем в первые дни войны. Не раз и не два секретарша, заглянув в кабинет, заставляла Ивана Федоровича, бледного, с расширенными от боли зрачками. Вызванный врач делал укол, оставлял капли и таблетки, безуспешно пытаясь уговорить непослушного пациента полежать хоть денька два—три. Тот лишь сердито покашливал и, едва отпускала боль, уже сидел за столом или ехал в город разбираться с еще одним прибывшим заводом, на ввод которого в строй дали немыслимо мало времени, или на строительство бараков для эвакуированных — мало ли где требовалась его помощь!

Замечено было, что при любой занятости он старался выкроить время, чтобы заглянуть в один из эвакогоспиталей, потолковать с ранеными. Войной ли интересовался старый солдат, а может над-

еялся встретить человека, воевавшего вместе с сыном — кто знает?..

II

Признаться, собирать материал о председателе горисполкома в мои намерения не входило. Но случилось так, что я искал человека, который мог бы рассказать о том, как принимали эвакуированных в Бийске устраивали их с жильем, работой. Кто-то посоветовал

— Вы бы поговорили с Анной Ивановной Липоткиной. В годы войны она заведовала общим отделом горисполкома, теперь персональная пенсионерка, живет в Заречье. Кажется она этим делом и занималась — эвакуированными.

И вот я у Анны Ивановны в ее уютном бревенчатом домике на улице Крайней. Встретила она меня приветливо, но сдержанно, без суеты, и вообще показалась поначалу скуповатой на слово. Но это первое впечатление рассеялось, когда дело дошло до разговора. Анна Ивановна оказалась человеком интересной, хотя и нелегкой судьбы. Дочь партизана, погибшего в гражданскую войну, детство она провела в детдоме, в няньках, в 14 лет стала рабочей Акутихинского стекольного завода, там и в комсомол вступила в 1926 году.

— Косу, конечно, напрочь, — Анна Ивановна улыбнулась задорно, по-молодому. — Кумачовой косынкой обзавелась, кожаной курткой. Активисткой стала — куда там! Да мы тогда все были такие — комсомольская молодежь. Мечтой о новой жизни горели и готовы были ради этой мечты на любые лишения. Побывали бы вы на наших собраниях!

На тех собраниях я, конечно, не бывал — опоздал родиться. Но с комсомольцами двадцатых годов мне встречаться приходилось. Крепкий народ. С ними интересно говорить, охотно прощаешь им некоторую лозунговость речи. Невольно поражаешься их убежденностью, неуспокоенностью, непримиримостью к недостаткам. Им и теперь до всего есть дело, хоть и голова давно седая.

— В тридцать втором, — рассказывала Анна Ивановна, — забрали меня как активистку в аппарат Быстро-Истокского райисполкома. Председателем тогда был Иван Федорович Елкин, бывший партизан, немножко горячий, но добрый, душевный человек. А бескорыстный! Ни-че-го для себя... Оказывается, он знал моего отца по партизанским временам, может, оттого и относился ко мне с особым вниманием. Не покровительствовал, не поблажки делал — нет, да я бы этого и не позволила, а учил, направлял и спрашивал, пожалуй строже, чем с других. Без него я наверное, и не потянула бы в райисполкоме. Кто я была-то? Полуграмотная девчонка со стекольного завода. Незадолго до войны Иван Федорович стал председателем Бийского горисполкома. А вскоре и меня сюда перетянул после окончания Новосибирской партшколы. Конечно, я была очень рада этому.

И Анна Ивановна стала рассказывать о Елкине. Рассказывала с увлечением, даже обычная сдержанность ей изменила.

III

— С запада прибыл в Бийск детский садик, по плану эвакуации направлявшийся в Тогул. Детишки ехали долго, устали.

намучились, были среди них простуженные, даже больные. Никто не догадался их обогреть, накормить, оказать медицинскую помощь, прежде чем везти дальше. Правда, сделать это в городе, переполненном эвакуированными, было непросто, но при желании все же что-то можно было придумать. Однако желающих взять на себя лишние хлопоты не нашлось. И вот детей прямо из вагона погрузили на телеги и отправили в Тогул, за сто с лишним верст. А дело было уже осенью, в холод, в слякоть. Когда Ивану Федоровичу доложили об этом, он вскипел.

— С ума сошли! Липоткина бери Ласточку, немедленно верни их!

Ласточкой звали председателю пошадь. Была у него и машина, но она больше на ремонте стояла. А в ту пору и шофер ушел на фронт.

— А потом их — спрашиваю — куда?

— В пятнадцатый садик.

— Но там и своим не повернуться!

— Ничего. Потеснятся. Поймут. Скажи, не разговаривай!..

Дети прожили в городе около недели, отдохнули, окрепли, потом их отвезли в Тогул.

А зимой прибыл в Бийск детский туберкулезный санаторий, около ста человек. Почти все забинтованные, в гипсе, недвижимые — жутко смотреть. Их надо было срочно отправить в Белокуриху, а дороги перемело, как раз сильные бураны прошли. И вот Иван Федорович отложил все дела и сам выехал с ними. С собой взял начальника автотранспортной конторы Файбушевича Иннокентия Семеновича. Тот был без ноги, ходил на деревяшке. Один без ноги, другой сердечник, а за ними, в

автобусах, вообще калеки — такая двинулась из Бийска колонна...

В каждом селе Елкин с Файбушевичем шли в сельсовет, а где его не было — в колхозную контору, объясняли, кого везут, просили помочь. Надо сказать, агитировать долго не приходилось. Народ у нас отзывчивый на чужую беду, тем более, что речь шла о детях. Все, кто мог, брались за полаты и шли на дорогу. Где лопатой, где плечом, "на ура", от заноса к заносу — так и добрались до Белокурихи. Тогда Иван Федорович уши поморозил да простудился, потом кашлял долго.

В сорок третьем ездила я в Белокуриху подлечиться, дети еще были там.

... Бийск до войны был маленький, тихий, в основном деревянный городок, если не считать дюжины бывших купеческих особняков да лавок в центре. Из промышленных предприятий самым крупным была льноткацкая фабрика, до революции принадлежавшая братьям Бородиным. Выпускала она мешковину и брезент. Остальные еще мельче: махорочная фабрика, сахарный завод, лесозавод, ликероводочный завод, ну и еще чугуноплитейный заводик "Механлит", делавший с грехом пополам печные дверки и вьюшки — вот, пожалуй, и вся бийская индустрия.

Аппарат горисполкома тоже был небольшой. И вот, представьте, сколько забот свалилось на нас с началом войны! Один за другим прибыли из временно оккупированных районов десять заводов и фабрик, а если говорить точнее, то лишь основное оборудование да с ним по тридцать-сорок человек инженерно-технического состава.

Надо было эти фабрики и заводы в кратчайший срок разместить, обеспечить рабочей силой, наладить выпуск продукции.

для фронта. Легко сказать! У нас и подходящих помещений не было, и мало-мальски подготовленных кадров рабочих, а наша ЦЭС не в состоянии была даже наполовину обеспечить прибывшие предприятия электроэнергией. Но фронт требовал — и люди делали, казалось бы, невозможное...

Прибыло к нам немало научных и учебных заведений: Украинский институт экспериментальной эндокринологии, Воронежский химико-технологический институт пищевой промышленности. Мичуринское инженерное училище. Сухиничское железнодорожное училище, Московская специальная артиллерийская школа. Им тоже надо было обеспечить хоть какие-то условия для жизни. Пришлось выселить в окрестные села много городских учреждений.

А сколько понаехало в Бийск эвакуированных — не счесть.

Стало трудно с топливом. Лес валили прямо в Заречье, у городской черты, возили его на коровах, а чаще на себе. Хлебокомбинат не справлялся с выпечкой, он не был рассчитан на такую мощность. Отсюда — громадные очереди за хлебом. Иногда вместо хлеба выдавали по карточкам тесто или даже муку. А когда с нею возиться? Люди, конечно, жаловались, виноватили нас, горисполком.

Самой трудной была первая зима. Весною сорок второго всем объявили: "Сажайте и сейте, кто что может!" Уговаривать не пришлось. В городе все пустыри, дворы, полисадники засадили картошкой, овощами, засеяли просом. У каждого предприятия появилось свое подсобное хозяйство. Тогда стало легче.

— Анна Ивановна, а чем лично вы занимались?

— В войну каждый делал то, что обстановка заставляла. Не считались с тем, положено это или не положено. Я например, одно время даже мыло распределяла. Вы помните мыло военных лет? Но и такое приходилось распределять горисполкому. Вообще—то одной из главных моих обязанностей было доводить решения горисполкома до исполнителей и проверять исполнение. Вечером состоится заседание, а ночь сидишь — обзваниваешь директоров и прочих начальников. Частенько так бывало, и никто этому не удивлялся. Война диктовала свой темп.

Когда хлынули эвакуированные, пришлось много заниматься с ними, пока не организовался эвакуотдел. Ведала их приемом, учетом, пропиской. Тоже дело непростое. Находились такие, что не желали потесниться: "У меня муж на фронте, у меня дети малые..." Единицы, но находились. Надо сказать, большинство бийчан хорошо относились к эвакуированным, сочувствовали их горю, стараясь помочь по мере возможности. Правильно говорят: народ наш отзывчив на чужую беду. Я знаю немало людей, которые до сих пор переписываются с бывшими квартирантами, ездят друг к другу в гости. Подружились на всю жизнь.

Участвовала в трудовых мобилизациях. Не каждый ведь даже в войну шел на завод, фабрику, в колхоз. Иным приходилось разъяснять обстановку, убеждать, поднимать настроение. В этом нам хорошо помогали уличные комитеты. В годы войны

они проделали огромную работу. О них доброе слово еще не сказано.

Ходила с проверками по письмам и жалобам. Помню такой случай. Сообщили нам, что одна из эвакуированных, жена фронтовика, сильно бедствует, сняли ее с аттестата: муж пропал без вести.

Прихожу. Старый домишко по окна в снегу. Снег даже от крыльца не откинут. В одной комнатешке — хозяйка, одинокая старушка, под шубой лежит, прихворнула, в другой — та самая квартирантка, молодая еще, но какая-то опустившаяся: грязная, раскосмаченная. Стоит в рваном пальто и дырявых валенках у русской печки. ветки ломает, складывает на загнетку, глаза дикие, похоже, до грани дошла. В комнате — шаром покати: ни мебели, ни постели, тряпье лишь какое-то на кровати набросано, да стол неубранный в углу стоит. Полумрак, холодина, вонь от помойного ведра... А с печки, из-под тряпья, девочка лет восьми выглядывает, как голодный зверек. Я ее сразу и не заметила. Окна-то льдом поросли, едва свет пропускают. Вот такая картина...

— Еда-то, — спрашиваю, — есть какая у вас?

— Пока есть, — через силу отвечает эвакуированная и кивает на мешок у печки. — Вон два ведра картошки на швейную машинку выменяла... А как дальше жить — не знаю. Больше менять нечего.

И носом захлюпала. Ребенок вслед за ней.

— Почему же, — спрашиваю, — так мало, два ведра?

— Обещал сначала восемь... Потом уперся...

— Кто он?

— Старик один... Через дом отсюда.
В это время хозяйка вошла, присела на лавку у порога, слушает, пригорюнясь. Я к ней.

— Бабушка, вы не могли бы этого старика сюда позвать?

— Отчего ж. Только ить он нравный, может не пойти.

— Скажи, из горисполкома пришли, вызывают.

— Скажу, скажу... Его ить на самом деле жадность одолела, черта хромоногого, прости меня, Господи... И куды гребеть? А я, дочушка, и рада б помочь, да у самой ничего нет, окромя картошки. Да и та уж на донышке. Ну, когда делюсь...

— Без бабушки мы вообще бы пропали, — подтвердила женщина, вытирая слезы.

Пошла хозяйка, возвращается со стариком. Старичок как старичок, сивый, сухонький, только глаза нехорошие, холодные, настороженные. Оглядел он меня с головы до ног, на валенках подольше взгляд задержал. Валенки у меня, действительно, были не очень подшитые, да еще с заплатками на сгибах. Прошлую зиму я в них только в стайку ходила, к корове, да во двор, а теперь пришлось и на работу надевать: новые — то сдала, когда перед Новым годом подарки бойцам на фронт отправляли. Вот дед и уловил, что вид у меня не представительный. Поднял, наконец, глаза от валенок, спрашивает тенорком.

— Вы, что ли, из горисполкому — то будете?

— Я.

— Хы... Какие молодые начальницы ноне пошли.

Совсем меня зло взяло.

— Уж какая есть, — говорю. — Ты лучше расскажи, папаша, как швейную машинку на два ведра картошки выменял? Не стыдно тебе, старому человеку, жену фронтовика обирать? Ребенку голодному не стыдно в глаза смотреть?

Эх, как он на меня глянул! Живьем бы, наверное, съел. Однако сдержался.

— Извините, гражданочка, не знаю вашего чина-звания, но у нас по доброму согласию. Ее спросите.

— Два ведра картошки за швейную машину — это по доброму согласию? А хочешь, я тебя, дед, с милицией познакомлю?

Конечно, я не должна была таким тоном разговаривать. Услышь это Иван Федорович — влетело бы мне по первое число. Но не могла сдержаться. Кругом такое горе, а он...

Старик про милицию услышал — явно струхнул. Но еще продолжал хорохориться.

— Вы, гражданочка, глотку-то не дерите. У меня, ежели хотите знать, у самого сын на фронте.

— Ах, у тебя сын на фронте? А ты не боишься, что он тебе бороду выдерет, когда вернется и узнает, как ты тут на чужой беде наживался? Только мы до тех пор ждать не станем. Немедленно тащи машинку назад!

Думала не послушает. Нет, похромал, смотрю — несет.

— Пуцай она мне за картошку заплотит.

— За картошку она тебе заплатит. Поможем. Только ты еще раз подумай, с кого деньги требуешь.

— Они не родня мне — даром их кормить.

Ушел и дверью хлопнул.

Сходила я домой, насыпала мешочек пшена, картошки с ведро, кринку молока прихватила.

— Вот вам, — говорю, на первый случай. И возьми себя в руки, милая. Нельзя так духом падать. Сама пропадешь и дите загубишь.

Доложила обо всем Ивану Федоровичу. Позвонил он в военкомат, выделили там два талона на горячее питание, дров подвезли, одежонку нашли кое-какую. Предложили и работу, но работать она не смогла. Переживания так подкосили ее, что она порой заговаривалась даже, как помешанная. Но кончилось у нее все наилучшим образом: муж нашелся! Ранили его в бою за какой-то городок, кажись, в Тульской области (называл он его, да я уж забыла). Заполз, говорит, в чей-то сарай, чтобы не замерзнуть, а наши в это время отступили. Обнаружили его местные жители, дед с бабкой, спрятали от немцев, стали лечить. Едва на ноги стал подниматься, наши тот городок освободили; нашел он свою часть, где его уже записали в "без вести пропавшие", дали отпуск — долечиваться. Вот он и приехал в Бийск за семьей. Перед отъездом зашли ко мне в горисполком прощаться. И, я с ними всплакнула. От радости.

V

— Анна Ивановна, а много эвакуированных было в Бийске?

— Много. Только в начале войны прибыло восемь эшелонов. Разместили их сравнительно хорошо. А потом пошли эшелон за эшелоном. Вагоны были со следами бомбежек, обстрелов, а в вагонах — то дети без родителей, то матери

зареванные без детей... Особенно тяжелые были из Ленинграда. Сплошь дистрофики, опухшие, отекавшие. А на детей вообще жутко было смотреть маленькие, чуть живые — скелетики с глазами стариков. Эти глаза сейчас вспомню — слезы закипают.

Ленинградцев надо было поголовно госпитализировать, а в городе и больницы — почти не осталось: под эвакогоспитали заняли. Приходилось размещать их по частным квартирам и там оказывать медицинскую помощь. Выдавали им усиленные пайки, да и люди несли, кто что мог. Всем миром, можно сказать, выхаживали блокадников. Очень у нас уважали ленинградцев, и не только за перенесенные ими страдания. Они чем-то от всех отличаются, это я от многих слышала. Сама после войны во многих городах побывала и скажу, что отзывчивее, сердечнее ленинградцев никого не встречала.

Помню, в одном из ленинградских вагонов прибыл Виктор Викторович Петров, будущий секретарь горкома партии, высокий, худющий, — непонятно, в чем душа держалась. У него была не только дистрофия, но и застарелый туберкулез. На фронт его, понятное дело, не взяли, — куда такого на фронт? Очень он это переживал. Но работником показал себя замечательным. Выделялся не только энергией, но и, я бы сказала, большой культурой в работе. Его заметили. Начал он, помнится, с инструктора военного отдела горкома, а через год уже стал заместителем секретаря по промышленности и транспорту. После войны Виктор Викторович остался в Бийске. Вскоре его избрали первым секретарем. В шестьдесят третьем он умер в своем рабочем кабинете от второго

инфаркта. Теперь его именем названа улица в Бийске.

Когда приходил эшелон, мы первым делом обходили вагоны и спрашивали, есть ли дети, потерявшие родителей. Помню, в одном из самых первых (кажется, он пришел из Витебска) таких детей оказалось тринадцать. Но все они за дорогу прибились кто к кому, лишь один мальчик лет десяти остался непристроенным. Сашей его звали. Хороший был мальчик, белоголовый, голубоглазый, тихонький, только слышал плохо и заикался — от контузии. Мать у него на глазах при бомбежке погибла, а отец в погранвойсках служил, на западе, и о нем не было ни слуху ни духу.

Взяла я Сашу к себе, помыла, подстригла, одежку выстирала и починила, а дня через два определила его в детдом. Как он не хотел туда идти! Как смотрел на меня! Ничего не говорит, только смотрит-смотрит, да губенки дрожат...

Анна Ивановна вздрогнула, словно от озноба, и вытерла пальцами повлажневшие глаза.

— Господи, ну что я могла сделать! Ведь у меня своих было трое, мал-мала меньше, муж на фронте, сама с ночи до ночи на работе. Дети и все хозяйство лежало на маме, а она уже и тогда прихварывала куда ей четвертого?. Но мне еще грех на свою долю жаловаться. А вот... Вы Пронина Федора Зиновьевича знаете?

— Его весь город знает.

— Правильно. Человек хорошо воевал, вся грудь в орденах, после войны хорошо трудился на разных постах. А жену его, Марию Степановну, знаете? В войну она работала завотделом госпособий. Приеха-

ла в Бийск с четырьмя детьми и почти без вещей. Спали первое время на полу вповалку. Получала она за мужа по аттестату тысячу рублей — на три ведра картошки. А они впятером за день чуть не ведро уминали: другой-то еды у них почти не было. Мария Степановна за одну зиму с восьмидесяти до сорока шести килограммов похудела, можете это себе представить? Но детей сберегла. Только дорогой ценой это ей досталось. Однажды в деревне Соколово удалось ей купить подешевке пять ведер картошки. Ни машины, ни подводы полутной, как назло, не было, и она эти пять ведер за двадцать километров на себе пронесла. Но с тех пор болеет. Надорвалась. И зрение почти потеряла...

А вообще лучше не вспоминать об этом. Потом всю ночь война стоит перед глазами. Будто вчера она была...

Шура Шумкина, тысячница

I

ТЫСЯЧНИКИ... Так в годы войны называли рабочих, выполнявших по десять и более норм за смену.

Кто же они были, эти богатыри, работавшие за десятерых? Признаться, я немало удивился, когда узнал, что первыми бийскими тысячницами были три 18 – 20-летние девушки с завода "Продмаш" токари Шура Шумкина и Саша Медведева, электросварщица Геня Фридкис.

К сожалению, увидеться с ними, посмотреть своими глазами на этих героинь мне, увы, не удалось: Саша Медведева и Геня Фридкис вскоре после войны уехали из Бийска, а Шура Шумкина, тоже вскоре после войны, умерла после неудачной операции. Адреса Гени я найти не смог, Саша Медведева на мое письмо ответила, что она работала, как все, никаких подвигов не совершала и о военных годах старается не вспоминать тяжелые они были

О Шуре же удалось узнать побольше от ее матери, сестер, товарищей по работе; с их слов я и попытаюсь о ней рассказать.

Завод "Продмаш" (тогда он назывался завод № 5 Главпищемаша НКПП СССР) был эвакуирован в Бийск из маленького украинского городка Белополья в октябре 1941 года. Для него освободили здание ликеро-водочного завода. Уже через ме-

сяц завод выдал первую продукцию для фронта — корпуса зажигательных авиабомб. Темпы были военные.

Вместе с заводом прибыло около 30 специалистов. А через два месяца на нем работало уже 273 человека. Основное пополнение составили девушки-бийчанки в возрасте 16 — 18 лет.

Одной из первых пришла на завод и Шура Шумкина. Выразила желание овладеть специальностью токаря, чтобы лучше помогать фронту. Теперь эти слова, может, кому-то покажутся высокопарными, а тогда многие так говорили и говорили от чистого сердца.

Поступали на завод и парни, но они долго не задерживались: достигнув призывного возраста, уходили в армию. Ушли первые наставники девчат Коля Макаров, Леня Савенков, ушли один за другим 16 выпускников Шебекинского ФЗУ из 17, приехавших с заводом. Остался лишь Ваня Моденко: у него было плохо со зрением. Из этих шестнадцати ребят вернулись с фронта четверо.

В общем, на девичьи плечи с первых же дней легла основная тяжесть труда. И они оказались на диво надежными, эти хрупкие девичьи плечи. А ведь совсем не просто было по двенадцать и более часов стоять у станка, иметь дело с металлом, тяжелыми деталями.

В первые же месяцы войны в стране родилось движение двухсотников. "Работать за себя и за товарища, ушедшего на фронт!" — таков был их девиз. В марте 1942 года на заводе "Продмаш" половина рабочих являлись двухсотниками. А Шура Шумкина в это время выполняла уже по три нормы, к концу же года увеличила выработку до пяти — шести норм. С нее

брали пример, о ней писали в городской газете, у нее появились ученики. А ведь трудовой стаж токаря Шумкиной исчислялся всего несколькими месяцами!

"Секрет ее успеха прост, — писала в те дни газета "Бийский рабочий". — Она исполнительна и добросовестна в работе. Всегда заранее подготовит свой станок, инструмент, материал для обточки. Ни одна минута у нее не пропадает даром".

II

Более понятно рассказал об этом Иван Федорович Моденко, ветеран завода:

— В то время токарные станки были с ременной передачей, громоздкие, очень тяжелые в управлении. Мы называли их "верблюдами". На одном из таких "верблюдов" и работала Шура. Как у нее хватало сил управляться с ним, я до сих пор удивляюсь! Мне кажется, поставь нынешнего токаря к тому станку, вряд ли он выгонит даже одну норму. А у Шуры хватало сил на несколько норм причем каждую смену, изо дня в день. И из себя, не скажу, чтобы очень здоровая. Конечно, силенка у нее была, иначе бы ей не справиться с "верблюдом". Но Шура брала не столько силой, сколько сноровкой. Например, она подготавливала сразу по семь заготовок, укладывала их поближе, чтобы не наклоняться за ними каждый раз. Завела запасные резцы. А нарезку резьбы делала так: смазывала станицу маслом, чтобы улучшить скольжение и заднюю бабку с метчиком прямо рукой двигала на деталь. Раз — и резьба готова! Конечно, это было тяжелее, чем вертеть маховичком, зато получался хороший выигрыш во времени. В общем, каждое движение у

нее было рассчитано до миллиметра. Об этом трудно рассказать. Вот если бы вы увидели, как она работала!..

Послушав Моденко, можно подумать, что все у нее получалось легко и красиво. А вот мать Шуры Екатерина Ивановна вспоминает, что, приходя со смены, дочь буквально валилась с ног от усталости.

— Доченька, попросилась бы ты на другую работу, — сокрушалась мать — Не девичье это дело — токарить.

Та, бывало, только и скажет в ответ.

— Ой, мама, ты знаешь, как это интересно!..

III

В сорок третьем, когда ушел на фронт брат Паша, слесарь табачной фабрики, на "Продмаш" пришли Шурины младшие сестры Люда и Валя. Люда стала шлифовщицей, а Валя — токарем, ученицей Шуры. Было ей в ту пору 13 лет.

— До станка не доставала, — с улыбкой вспоминает Валентина Владимировна. — Приходилось ящик подставлять. Но работала наравне со взрослыми. Уставала страшно. Еще и питание было неважное. Но спать хотелось еще больше, чем есть. Бывало, дождусь обеденного перерыва и скорей на подоконник. Свернусь калачиком, кулак под голову — и спать! Сосну немножко — до конца смены уже легче выстоять.

Чтобы разогнать сон, особенно в ночную смену, девушки пели. Наверное, это была впечатляющая картина: темная ночь за пыльными окнами цеха свистящий слитный шум станков и сквозь этот железный шум — живые и теплые девичьи голоса.

Пусть он вспомнит

девушку простую,

Пусть услышит, как она поет...

Промасленные спецовки, осунувшиеся от усталости лица, склоненные над станками, черные от металла и масла руки, сноровисто и быстро выполняющие привычную работу – военные годы, можно ли их забыть!..

III

Семья Шумкиных была работающая. Родители в молодости батрачили у себя в селе на кулаков, в двадцатом переехали в Бийск. Отец работал грузчиком на железнодорожной станции. В 1937 году он умер. На руках у матери осталось четверо детей Старшей, пятнадцатилетней Шура, пришлось бросить школу и идти работать. Вскоре поступил на табачную фабрику и брат Павел. А после того, как он ушел на фронт (ушел и не вернулся), пошли работать и Люда с Валей.

В 1945 году все четверо Шумкиных: мать и три дочери были награждены медалями "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг."

Осенью 1943 года Шура в составе делегации Алтайского края выезжала на фронт. Они передали воинам-сибирякам 56-й гвардейской Смоленской дивизии, сформированной на Алтае, шестьдесят вагонов с праздничными подарками, из них четыре вагона – от трудящихся Бийска.

Такова была Шура Шумкина, тысяченица с "Продмаша", самоотверженная труженица военных суровых лет...

Учителя и ученики

I

Старая учительница Надежда Иосифовна Мироненко уже давно на пенсии. На память о работе остались несколько альбомов с фотографиями учеников, пять коробочек с орденами и медалями, запрятанные от не в меру любопытного внука на дно комода, ну и еще — порок сердца. Шаркающей походкой передвигается она по своей скромно обставленной квартире и добродушно подтрунивает над собой:

— Износилось сердчишко. Поднимаюсь к себе на пятый этаж и руками его держу, чтобы не выскочило. А давно ли бегала...

— Вы бы попросили квартиру пониже.

Крупные черты ее лица, обрамленные седыми прядями сильно поредевших волос, суровеют, звучный "директорский" голос крепнет.

— В жизни не просила ни о чем. И не стану.

Похоже, это не гордыня, а характер, выкованный испытаниями нелегкой жизни. Юность Надежды Иосифовны пришлось на первые годы советской власти, самые трудные. Старый мир, как поется в песне, был разрушен до основания, новый предстояло построить. Об этом мечтали, спорили, этим жили. Окончив школу в Бийске, Надя, как и многие одноклассники, запросилась в село учительницей. Ей не тер-

пелось внести свой вклад в дело борьбы с "вековой темнотой". Ее и двух подружек – Лиду Власову и Олю Кудрявцеву направили в Шубенку. До них там работал старичок-учитель, давно просившийся на пенсию. Он занимался одновременно с тремя классами. Как ему это удавалось – Бог весть, ибо все три класса помещались в одной избе. Молодые же учительницы сделали это так: перегородили избу занавеской, потом одну половину еще классной доской. На одной стороне доски писал один класс, на второй – другой. А уроки чтения проводили обычно в сенях, чтобы не мешать никому. Сиделись на пол и читали единственный учебник. С учебниками, тетрадками, карандашами была беда. Ученики ходили в штопанных-перештопанных одежках, сама Надежда Иосифовна носила юбку, сшитую из крашеного мешка. И старый отцов пиджак, он был ей чуть не до колен.

– Но видели б вы, каким уважением пользовался учитель на селе! – говорит Надежда Иосифовна. – Идешь по улице – все с тобой, девчонкой, раскланиваются, даже старики. На собрания приглашают: "Выступи, растопкуй..." А сама-то я много понимала!

Через несколько лет ее направили в Иркутский педагогический институт. Окончив его, вернулась в Бийск. В 1938 году была назначена директором 1-й средней школы.

Разговор наш перешел к военным годам. Надежда Иосифовна начинает заметно волноваться, все чаще вытирает слезы.

– Как мы работали, Боже, как мы работали!.. В сорок первом, едва начался учебный год, школу приказали освободить

под госпиталь. Парты, шкафы, учебные пособия – все перетаскивали на себе. Ни машины, ни лошади достать не удалось. Не до нас было. Помню, оборудование химического кабинета доверили переносить четвероклассникам. Видели бы вы, как они чуть не на цыпочках несли колбочки и реторты!

Отвели нам бывший купеческий дом на улице Льва Толстого, тесный, холодный. Но об удобствах тогда никто не думал. Удобства были нужнее раненым. Наши ребятишки даже говорили: "Хоть этим поможем фронту".

Занимались в три смены. Последний урок кончался в половине двенадцатого ночи. Учебников не хватало. Класс разбивался на группы по числу учебников, занимались по очереди. Свет часто выключали – его не хватало для предприятий, работающих на оборону, для госпиталей. Учились при свечках и керосиновых лампах. Почти не было бумаги. Писали на старых газетах, книгах, журналах – на чем придется.

Но больше всего страдали от холода. В классе порой чернила замерзали. Знаете, как выглядел класс военного времени? Представьте себе мохнатые от инея окна, съжившихся за партами учеников, без конца кашляющих и чихающих, учительницу в телогрейке и подшитых валенках, с красными от холода руками и посиневшим лицом – вот примерная картина.

Дрова, заготовленные на зиму, мы оставили госпиталю. Первое время ученики, идя в школу, несли с собой по одному-два полена из дому. Но это был не выход. Дровами в то время никто не обеспечивал. Каждый заготавливал для себя и возил, как мог.

Нашей школе отвели делянку в зареченском бору. Принесли мы из дому пилы, топоры, санки и двинулись в лес. Учителя, ученики, кое-кто из родителей пришел. Надо сказать, что к заготовке дров ребята относились очень сознательно, хотя работа для них была тяжелой. Пять километров до делянки, пять с груженными санками обратно — тут и взрослому не легко, да еще по морозу. Но дети не жаловались. Сникнет какой-нибудь, только скажи: "А на фронт? бойцам еще тяжелей", — сразу подтянется. Мы все тогда равнялись на фронтовиков.

Мальчишки и на поход в лес смотрели как на военную игру. Этот народец везде найдет романтику. Чего стоит, например, костер в лесу, на снежной поляне! Разожгут его — подойти невозможно, сучки стреляют во все стороны, а им того и надо. Набесятся вокруг костра, сядут и песню запойут. Фронтovou, разумеется.

Уходили в поход партизаны...

Мальчишки — они мальчишки и есть. За ними нужен глаз, да глаз. Однажды пилили, пилили сосну, а она не падает. И пилу зажало. Вот и додумался один залезть по стволу наверх, покачать ее. А она возьми да рухни, его ветвями и накрыло. К счастью, обошлось благополучно, только лицо ему поцарапало.

На обратном пути хоть и с грузом едут, а начнут дурачиться — не уговонишь. Конечно, в войну они серьезнее стали, горе вокруг них каждый день ходило.

Деревья мы пилили примерно на полтора-два метра части. Их "тюльками" почему-то называли. Эти "тюльки" привозили в школы и там разделявали на дрова.

В общем, первая зима тяжело нам досталась. Но ко второй успели перестро-

иться на военный лад. Дрова заготовили заблаговременно и еще до снега вывезли на школьный двор до последнего попена. Посеяли несколько соток проса. Зимой варили кулеш и подкармливали особо нуждающихся. Таких хватало, особенно из эвакуированных. Многие из них бедствовали сильно.

Госпиталь в сорок третьем уехал ближе к фронту, школу нам вернули. Надо было срочно ее ремонтировать, белить, красить. Теперь даже трудно представить, какими усилиями приходилось тогда добывать каждый килограмм извести, не говоря о краске. Но как-то извернулись сделали. Даже крышу покрасили. Наиболее ответственную работу сами делали, ученикам не доверяли. Наш учитель Алексей Федорович Лютиков как-то говорит:

Был сегодня на горе, Надежда Иосифовна. Глянул сверху — во всем городе одна крыша свежей краской зеленеет. Наша школа.

В общем, настала зима, а у нас тепло, чисто, уютно. Однако поработать пришлось.

Надежда Иосифовна в который раз вытирает глаза, делает передышку, чтобы успокоиться.

— Коллектив еще дружный подобрался. били в одну точку, это выручало. Как не вспомнить добрым словом завуча Пятигорскую Раису Марковну, Мокину Елизавету Николаевну, Есина Бориса Александровича, Казакову Валентину Андреевну!.. Казакова приехала к нам в самом начале войны из Москвы, после окончания института. И до сих пор преподает историю в первой школе. Вы бы сходили к ней, она поинтересней моего расскажет.

Молоденькая выпускница Московского пединститута, оказавшаяся в суровую военную годину одна-одинешенька в далеком сибирском городе, теперь стала пожилой дамой в очках, с заметной сединою в темно-каштановых волосах. Встретила она меня приветливо. Я уже знал, что она ведаёт комнатой боевой и трудовой славы, занимается сбором материала по истории школы и мой интерес к этому делу, видимо, был ей приятен.

Валентина Андреевна показала мне журнал десятого класса за 1943–1944 учебный год – своего первого выпускного класса. На обложке журнала я увидел любопытную отметку: "Чистые листы изъятые. Секретарь Э. Кордонова"

– Тогда сильно бедствовали с бумагой, – пояснила Валентина Андреевна. – Помню, даже экзаменационные билеты я писала между строчками какой-то сельскохозяйственной брошюры... Обратите внимание на пометку о пропуске занятий: "др" Видите, за один октябрь четыре раза "др" для всего класса.

– А что это значит?

– Дрова заготавливали.

– Почему-то сентября совсем нет?

– В сентябре каждый год в колхозе работали.

В списке класса значились 39 человек: 30 девочек и 9 мальчиков. Против двух из них была пометка "Призван в РККА". Десять эвакуированных. У семнадцати учеников записано "отец на фронте", у пяти: "отец погиб". Да, не мало может рассказать старый классный журнал...

Валентина Андреевна, поправив очки, листает журнал, вспоминает:

— *Дия Новикова* Москвичка. Отец умер от ран в бийском госпитале. Мы ходили его хоронить. Теперь Дия в Москве замужем, между прочим за бывшим учеником нашего класса. Еще в школе у них дружба началась...

Ира Радзиевская. Тоже из эвакуированных, но уже не помню, откуда. У нас в классе были из Москвы, Ленинграда, Харькова. Отец ее погиб на фронте, мать работала в железнодорожном училище, эвакуированном в Бийск из Сухиничей...

Тася Плюхина Местная. Очень скромная, тихая девочка была. Отца тоже потеряла в войну... Да, война каждому принесла горе и каждому запомнилась по-своему. Нам, учителям, она запомнилась посиневшими от холода и голода лицами учеников, но особенно похоронками. Приходишь в класс, видишь у кого-нибудь заплаканное лицо — гадать не надо. Значит, еще в одну семью пришло горе. И каким же волшебником требовалось быть учителю, чтобы вернуть такого ученика на урок, заставить его заниматься!

А Тася Плюхина, между прочим, стала учительницей, преподает русский язык и литературу в двадцать второй школе. Если захотите с нею встретиться, спросите Анастасию Тимофеевну Старикову.

III

Увидев Анастасию Тимофеевну, я невольно подумал, как давно кончилась война. У бывшей ученицы первой школы уже и седина появилась в волосах, и морщинки на лице.

— Мой папа не сразу уехал на фронт. — рассказала она. — Он работал директором сельского Бийторга, имел бронь. Но этой бронью тяготился. Дома часто говорил, что ему, коммунисту, стыдно сидеть в тылу, когда другие воюют. Мама старалась убедить его, что так надо. Но не убедила. Однажды с урока меня вызвали к директору. Я даже оробела: "За что?" Но Надежда Иосифовна ласково погладила меня по голове и сказала:

— Тасенька, ты только не волнуйся. Твой папа уходит на фронт. Сходи, проводи его.

Оказывается, он тайком от мамы написал заявление в военкомат, и его призвали в Алтайскую добровольческую бригаду. Целая колонна добровольцев отправлялась в тот день на вокзал. Одеты с игопочки, впереди оркестр.

Папа был политруком роты. Воевал под Ленинградом. В ноябре сорок третьего пришло от него последнее письмо. Он писал, что только что выступал перед бойцами, скоро бой, и они будут драться с фашистскими извергами до последней капли крови. Поздравил нас с праздником. И с тех пор замолчал... Через несколько месяцев вернулся по ранению его товарищ. Он рассказал, что после того боя от роты осталось шесть человек.

В классе об этом первой узнала Нина Коробейникова, моя лучшая подружка, из эвакуированных. Она так плакала вместе со мной! Вообще чье-либо горе мы переживали сообща, всем классом и Валентина Андреевна вместе с нами. У нее ведь на душе тоже часто кошки скребли, мы-то знали. Жених на фронте, в Бийске ни родных, ни близких. И по возрасту она была всего года на четыре, что ли старше нас. Поэтому всегда была

с нами: и на заготовке дров, и в колхозе, и в кино. Это нас сближало.

В колхоз каждое лето и осень ездили, сначала хлеб убирали, потом свеклу. В госпиталях с концертами самодеятельности выступали, письма помогали раненым писать. Сначала этим делом малыши занимались, но раненые при виде их сильно расстраивались, своих вспоминали. Тогда стали посылать нас, старшеклассников.

Шумит звенит юными голосами в стенах старейшей бийской школы новое поколение, родившееся после войны. Лишь возле кабинета истории немного примолкают, серьезнеют мальчишки и девчонки. Здесь, со стены, смотрят на них шестеро бывших учеников школы, выпускников военных лет, очень молодых, веселоглазых. Они навсегда остались молодыми.

Генрих Шастин Погиб 29 апреля 1945 года в Берлине. Похоронен в Третьов-парке

Борис Кузнецов. Погиб в 1944 году

Николай Копыльцов. Погиб в 1943 году под Ленинградом

Борис Еременко Погиб в 1943 году

Анатолий Борисов Погиб в 1942 году под Харьковом.

Юрий Башкатов. Погиб в 1942 году

На правом крыле

I

— Кочегаром? Ко мне?

Машинист паровоза Алексей Воронков, еще раз заглянув в направление с кудрявой подписью заведующего отделом кадров, гневно фыркнул.

— Ну и придумали!

Конечно, война есть война, мужики на фронте, но паровоз—то остался паровозом! К тому же с угля перешли на дрова: в Донбассе немцы. А что такое дрова? Съездишь до Алтайской и обратно — 60–70 кубов надо в стопку перекидать. Не каждому мужику под силу.

Воронков хмуро оглядел черноглазую красивую девушку в нарядном голубом платье и с голубыми лентами в черных косах. Вырядилась, как на танцы! Девушка глаз не опустила. Упрямо сжав рот, стояла перед ним, как солдат, вытянув вдоль стройного тела обнаженные руки с большими рабочими кистями. Подошел вразвалочку помощник Гриша Тырышкин, заглянул сбоку в бумажку, обидно хохотнул, но тотчас осекся, так ожгли его гневом черные глаза.

— Что мне делать? — разлепив губы, спросила девушка.

Воронков сунул направление в нагрудный карман кителя.

— Что делать, говоришь?

Кивнул на стоявший у поворотного круга старенький паровоз.

Вон, "рыжку" для начала приведи в порядок. Сколь годов в запасе стоял, теперь снова на линию вытащили. Новые-то паровозы в прифронтовую полосу отправляли. "Концы", ветошь то есть, и все остальное в будке найдешь. Пошли, Григорий..

Оставшись одна, девушка со страхом оглядела многоколесную махину, обросшую толстым слоем саж, ржавчины, грязи. Тут и бригадой за день не управиться. Вот так встретили..

Испытать хотят. Что ж, пускай испытывают!..

.. Вечером, когда машинист с помощником снова появились, паровоз блестел, почти как новый. А у паровоза, вытирая черные руки о "концы", стояла девушка, вся в саже. Она густо набилась в ее волосы, ленты в косах превратились в грязные жгутики, нарядное платье было безнадежно испорчено.

— Смотри, Федорыч, будка-то, оказывается, желтая! — воскликнул Гриша Тырышкин.

— Да, будка желтая, — не сразу отозвался Воронков и внимательно, по-новому, посмотрел на девушку.

— Как звать-то тебя?

— Аня.

— Ну вот что, Аннушка.. Топай-ка в душевую, а утром поговорим.

II

Так стала Аня Кубасова кочегаром. Но трудовая ее биография началась раньше. Пятнадцатилетней девчушкой приехала она, в поисках лучшей доли, из села

Верх-Талица в Бийск. Устроилась нянечкой. Хозяева попались хорошие, платили прилично, по праздникам всегда что-нибудь дарили. Работа по сравнению с деревенской казалась забавой. Но шли тридцатые годы с пафосом первых пятилеток, энтузиазмом всесоюзных строек. Аня, хоть и была малограмотной, газеты читала и радио слушала (у хозяев было и то, и другое). Вечерами любила бегать в клуб на текстилку (льготкацкую фабрику). Там, среди фабричных девчонок, завелась у нее подружки. И чем больше обживалась в городе, тем больше хотелось ей настоящего дела, зазорными казались и звание домработницы, и сытные хозяйские харчи. Кончилось тем, что собрав вещички, она ушла в общежитие на текстилку.

Стала работать подавальщицей ниток. Другого ей, несовершеннолетней и малограмотной, пока не доверяли. Вступила в комсомол. Обзавелась красной косынкой. Только с косами не захотела расстаться, хоть и стали они в ту пору чуть ли не пережитком старого быта. Комсомольские поручения выполняла ревностно. На собраниях все чаще тянула руку. Словом, стала активисткой. Боевой характер вчерашней няньки не остался незамеченным. Однажды ее вызвал секретарь горкома комсомола Александр Жданов.

— Наметили мы тебя, Кубасова, пионервожатой в 4-й детдом.

— Да что вы, товарищ секретарь! Там, поди, грамотную надо.

— Грамотишки у тебя, конечно, маловато. Только там одной грамотой не возьмешь. Сироты в том доме. Кубасова, вчерашние беспризорники. Наследие гражданской войны. Многие из них прошли огонь, воду и медные трубы. И там не

только малыши, немало и таких, что чуть помоложе тебя. Но мы должны поставить их на правильный путь. Вот какое дело доверяем тебе, Кубасова...

Подружки ахали при встречах:

— И не боишься ты с беспризорниками работать, Анка? Ведь зарезать могут за милую душу

— Ой, девочки, да они хороший народ. Только подход к ним нужен.

— Нашла хороших!

— Да вы поймите, это ж дети без детства, как наш заведующий говорит. Оно у них по вокзалам, базарам, притонам всяким прошло. Что они перенесли — подумать страшно. А душа-то у них как у всякого ребенка: любви и ласки просит. Полюби их — и они тебя полюбят. А уж если беспризорники кого полюбят — краю не знают. Недавно мне один из них, Фирс лет десяти мальчишка, способный такой, заявил на полном серьезе: "Вырасту — женюсь на тебе".

Подружки расхохотались.

— Ты хоть на свадьбу пригласи!

— Обязательно.

Занятая по горло пионерскими делами Аня продолжала учиться. В мае 1941 года ее перевели в шестой класс. В тайных мечтах она уже видела себя в техникуме или даже в институте. Но в то солнечное июньское утро была разрушена не одна мечта...

С началом войны часть городских учреждений из-за тесноты перевели в окрестные села, в том числе и детдом, в котором работала Аня. Но она осталась в городе. Ей хотелось такого дела, от которого была бы прямая, конкретная помощь фронту. И такое дело вскоре присмотрела. В газете "Бийский рабочий"

появилось объявление о наборе девушек на курсы помощников машинистов паровозов. Решено! Она будет водить поезда с грузами для фронта.

Но курсы чуть не распались. Большинство девушек ушло с них. трудно показалось. Особенно невзлюбили слесарное дело стукнешь молотком по зубилу — попадешь по пальцу. Аня была в числе немногих, кто выдержал до конца.

III

Курсы курсами, но прежде чем стать помощником машиниста паровоза, полагалось пройти стажировку в кочегарах. Как она началась, уже рассказано. Однако вскоре Воронков даже хвалиться стал своим кочегаром. Аня женской рукой навела такой порядок на паровозе, какого на нем отродясь не бывало.

Бригада Воронкова, как и многие в депо объявила себя лунинской. Она своими силами делала ремонт. Ане это было только на руку. Можно было своими руками пощупать каждую деталь, попрактиковаться в слесарном деле. В чем не могла разобраться своим умом — спрашивала у Воронкова, и тот охотно объяснял, учил, довольный ее любознательностью и трудолюбием.

Что касается поездок, то они были, что и говорить, тяжелыми, может быть, даже слишком тяжелыми для девушки. Об одной из них Анна Николаевна рассказала мне так.

— Выехали мы на станцию Овчинниково. Дело было зимой, состав вели тяжелый. Перед Большой Речкой "растянулись", то есть, по-нашему, забуксовали, не смогли взять подъем. Пришлось сдавать назад.

поднимать пар. Перерасходовали дрова, воду; в Большой Речке остановились заправиться. На обратном пути, перед Загайново, снова растянулись, и опять сдавали назад, поднимали пар, опять перерасходовали воду, дрова и вынуждены были в Загайново еще раз остановиться на заправку. В общей сложности сожгли за эту поездку более шестидесяти кубометров дров. И всю эту гору я перекидала с тендера в будку. А дрова тяжеленные — обледенелые метровки. Господи, как они мне руки отмотали!

Вдобавок меня еще водой окатило из рукава, когда в Большой Речке заправлялись. И вот вылезу на тендер — враз заледенею на ветру, на морозе, как сосулька, вернусь в будку — оттаю. Но у топки греться некогда: в движении надо беспрерывно дрова подавать, а на остановках бежать буксы щупать. Еще как на грех, нога разболелась: на воскреснике бревном ее придавило. В общем, хватило лиха за ту поездку. Когда притащились, наконец, в Бийск, не осталось сил даже до дому добраться, свалилась прямо в депо, у печки, и заснула, как убитая.

IV

— Поездки были частыми, график отдыха то и дело срывался, да и кто думал тогда об отдыхе? Одно желание у всех было, как лучше помочь фронту. Поверьте, это не громкие слова. Этим все мы жили тогда и на работе, и в свободное время. Да и было ли оно, свободное время? Воскресники, субботники, сбор средств в фонд обороны, на танковую колонну "Комсомолец Алтая" на самолет "Рабочий бийского депо", шефство над семьями

фронтовиков, заготовка дров для больниц и детских садов, концерты художественной самодеятельности в эвакогоспиталях — всего не перечислишь.

Но не думайте, что если мы с ночи до ночи работали, то вид у нас был заезженный, унылый. Ничего подобного! Хоть и уставали страшно, и недосыпали, и недоедали, а настроение всегда было приподнятое, веселое, честное слово! Особенно когда дела на фронте лучше пошли.

На транспорте со временем девушек прибавилось. Кочегарами и помощниками машинистов паровозов стали работать Валя Кузнецова, Фрося Степкова, Рита Эпова, Мотя Маркина, Фрося Беньковская, Катя Мельникова, Тамара Николаева, Маша Свиридова.

Кочегаром я недопго поездила. Однажды прихожу на работу Гриша Тырышкин заявляет:

— Я с тобой здороваться больше не буду

— Почему, Гриша?

— Забирают тебя от нас. В помощники перевели.

Расстроился, вот чудак...

Помощником я больше года работала. С кем из машинистов? Да с разными: с Кислицыным, Татариновым, а последнее время с Виспогузовым. Самая трудная обязанность помощника — заправлять топку. Поленья надо кидать так, чтобы они ложились ровно, в ряд, иначе пар не будет нормально вырабатываться. Тут навык нужен и силенка тоже. Прицеливаться некогда: откроешь топку — жар в лицо полыхнет, ослепит. Швырнешь полено, а оно наперекосяк упадет — попробуй, поправь! И другие из-за него неровно пьют

Недели две мучилась, пока этим искусством овладела...

V

Про Ивана Федоровича Вислогузова говорили, что еще ни одна из девушек не продержалась у него в бригаде больше двух дней. Не признавал женщин на паровозе! Но что было делать, если мужчин не хватало? И вот перевели к нему Аню Кубасову. Два дня она продержалась. Ни в чем не перечила ворчливому машинисту, его указания и свои обязанности старалась выполнять как можно лучше. И пед тронулся! Однажды, при работе на маневровых путях, на промывке вагонов, Вислогузов вдруг скомандовал

— Становись на правое крыло!

У Ани сердце екнуло от радости. Неужто управление доверит? Перешла на правое крыло, на место машиниста.

— Тормози! — приказал Вислогузов.

Аня резко крутнула рычаг.

— Стой! Кто ж рывком тормозит? Уходи к чертям назад!

Ушла, молча проглотив обиду. Сама виновата.

Но все ж размягчила, видно его сердце старательная помощница. Стал ровней обращаться, поглядывал, учил и нет-нет да снова ставил на правое крыло где-нибудь на спокойном участке пути.

Однажды возвращались они с сахарного завода с порожняком. Аня стояла на правом крыле. Подъезжая к станции, по всем правилам затормозила и плавно остановила состав. В будку поднялся секретарь партбюро Иван Лаврентьевич Тропин, в недавнем прошлом известный

«всей томской дороге бригадир слесарей-ремонтников.

— Что я вижу! — весело воскликнул он.
— Аннушка уже за машиниста управляется. Добрая у тебя помощница, Иван Федорович.

— Добрая — не добрая, а где лучше-то взять?

— Опять недоволен?

— Да, по правде сказать, грех жаловаться.

— Ну, то-то. А нам, слышь, утром разнарядка пришла на курсы машинистов. Думали-гадали, кого послать, а тут, оказывается, готовая кандидатура есть. Как думаешь?

— Что ж. Девка с понятием И работы не боится.

— Ну, а ты, Аннушка, не против?

Анна даже растерялась. В мечтах-то она уже давно приглядывалась к правому крылу, но не ожидала, что это случится так скоро. Вон сколько парней в помощниках ездят! И стажа у них побольше.

Осенью 1943 года, закончив трехмесячные курсы на станции Тайга, она стала первой в бийском депо женщиной-машинистом. Правда, водить, как мечтала, составы с грузами для фронта, ей не пришлось. Работала на местных линиях.

В марте 1945 года комсомольцы-железнодорожники избрали ее секретарем узлового комитета. Должность была освобожденная. Так рассталась она с паровозом, а вскоре и с железной дорогой: стало подводить здоровье, особенно зрение.

Об Анне Кубасовой я вычитал в подшивке газеты «Бийский рабочий» за 1941 — 1945 гг. Захотелось ее найти, ведь женщина-машинист паровоза — это был

редкий случай даже в годы войны. Чуть не первый пожилой железнодорожник, наугад спрошенный мною, воскликнул:

– Это ж наша Аннушка! Только теперь она не Кубасова, а Кокорина. И найти ее легче легкого: она директор гостиницы "Бия".

Там, в своем скромном чистеньком кабинете Анна Николаевна и рассказала мне то, что я попытался здесь изложить. А напоследок, улыбочиво щуря черные красивые глаза, призналась

– Уже больше двадцати лет заведую гостиницей, давно бабушка, а нет-нет, да приснится, что веду поезд. И вдыхаю этот ни с чем не сравнимый запах остывающего пара, перемешанного с дымом. Вот ведь как въелось в память...

"Здравствуйте, дорогие сестрички..."

I

В ОДНОЙ ИЗ бийских школ в зале боевой и трудовой славы я увидел пожелтевшую от времени открытку военных лет. На лицевой стороне ее был сероватый выцветший рисунок такого содержания: на госпитальной койке лежит до пояса укрытый одеялом молодой боец с забинтованной головой, а рядом, на табуретке, сидит девушка в белом халате и читает раненому книжку. Под немудреным рисунком — такое же трогательно-простое четверостишие

Она утешит взглядом

теплым словом,

С ней легче боль и всякая беда,

И, уходя на фронт

совсем здоровым

Ее боец запомнит навсегда

Но не так заинтересовали меня рисунок и стихи, как текст на обороте, написанный химическим карандашом. Вот он

*"Алт край г Бийск, 1-е отделение,
п/я 54. Суртаевой Ире 24.7.1942 г*

Эту открытку я купил в фойе кинотеатра имени Маяковского, когда смотрел кинофильм "Дочь моряка". И в знак благодарности, искренней и теплой, я решил послать ее Вам, Ира, потому что Ваше чуткое отношение, простота в обращении оцениваются не только

мной, но и всеми ранбольшими. Желаю Вам всего наилучшего! Привет всем всем!

Выздоровливающий Игнатий Овчинников

г. Новосибирск

Узнать у красных следопытов, раздобывших открытку, адрес Иры Суртаевой и найти ее не составило никакого труда. Оказывается, она заведовала кабинетом физиотерапии в больнице, и я даже лечился у нее.

Было так. Однажды у меня появились боли в левой части груди. Я грешил на сердце и обратился к врачу. Но врач определила отложение солей и предписала прогревание. Так я оказался в кабинете физиотерапии, где впервые и увидел эту несколько полную, лет пятидесяти женщину с тихим, теплого оттенка голосом, неторопливыми движениями и всю лучащуюся какой-то материнской ненавязчивой добротой.

Проводив меня за ширму, к кушетке она поправила подушечку, предложила лечь, ласково прикоснулась к обнаженному плечу, спросила участливо:

— Болит? Ничего, будете вы у меня здоровый.

Включила прибор, осведомилась:

— Не горячо? Ну, лежите спокойно. Время кончится — выключу.

Пока я соображал, чем заслужил столь теплый прием (согласитесь, не всегда нашего брата встречают в больницах как родных), она подвела к другой кушетке хмурого парня с опухшей щекой и с ним обошлась точно так же: бережно, ласково, словом, не по-казенному. И я понял, что такой уж она, видимо, человек. С тех пор даже здоровался с ней на улице, хотя

собственно, мы знакомы не были И вот, к моей радости, оказалось, что она и есть та самая Ирина Суртаева Конечно, уже не Ира, а Ирина Павловна

II

Прием больных закончился Ирина Павловна, не сняв халата и накрахмаленного высокого колпака, сидит за своим столиком Вид у нее явно смущенный Изредка взглядывая на меня потемневшими глазами, она словно оправдывается

— Пришли школьники сказали, что собирают материал о бийских госпиталях Ну, и отдала им эту открытку, которая вас так заинтересовала И еще фотографию военных лет... У нас ведь о госпиталях забыли И в музее ничего нет и в газете ни разу не написали А разве можно о них забывать? Скольким раненым жизнь спасли.

Да, соглашаюсь я, о госпиталях в Бийске действительно забыли И на музее лежит этот грех Вот только через тридцать лет со Дня Победы взялись уточнять, в каких зданиях они размещались, сколько их было Но об этом потом Время позднее сейчас успеть бы поговорить о том, ради чего пришел.

— Ирина Павловна, а помните вы Игнатия Овчинникова, который прислал вам открытку?

— Конечно, помню, — оживляется она — В моей палате лежал В правую руку ранен был, пальцы совсем не действовали Ампутировать не дался, целыми днями массажировал их, развивал И вот однажды в ординаторской мы обнаружили записку, написанную крупными, как у

первоклассника, буквами: "Здравствуйте, дорогие сестрички! Игнатий".

Представляете, как нас обрадовали эти каракульки? Поняли мы, что дело у него пошло на поправку. Пальцы, наконец, ожили. Мы все за него переживали. Он был такой простой, уважительный парень, каких поискать. Всегда старался помочь нам, даже пол пытался мыть одной рукой, но мы конечно, не давали.

Вообще раненые охотно нам помогали. Скучали они без работы, да и нас, должно быть, жалели, видели, как нам достается. Бинты стирали и проглаживали, гипс просеивали, палочки строгали. На эти палочки мы наматывали ватку и обрабатывали настойкой йода операционное поле. Настрогают этих палочек — кажется, на всю войну хватит, а через некоторое время смотришь — ни одной не осталось. Раненых очень много поступало.

Иной раз выздоравливающие даже халат у кого-нибудь из нас стащут, за ночь постирают, высушат, выглядят и обратно на гвоздик повесят. И ни в жизнь не признаются, чья это работа. Уж такой народ был.

— Ирина Павловна, а вам не известна дальнейшая судьба Игнатия Овчинникова?

— Выздоровел — на фронт уехал. А дальше — не знаю. Мы ведь много таких провожали, как он.

Вон что. Я-то, признаться, предполагал, что за открыткой кроется какая-нибудь романтическая история. А это был, оказывается, рядовой случай.

III

Уже в июле-августе 1941 года в Бийске было развернуто несколько госпи-

талей для раненых воинов. Кроме того, в течение лета и осени прибыли эвакуогоспитали с запада: из Харькова, Гомеля, Ворошиловграда, Нижнего Оскола и других городов. Нетрудно представить, как преобразили они облик недавно тихого Бийска! Но дело не во внешнем облике, пусть впечатляющем и суровом. Такими стали все тыловые города. Важнее другое.

К сожалению, пока никто не подсчитал, сколько же раненых прошли за годы войны через бийские эвакуогоспитали, выздоровели, вернулись на фронт или к семьям. Цифра, должно быть, немалая. Возможно, когда-нибудь ее определят и запишут, как говорят, золотыми буквами в историю Бийска. Ибо за этой цифрой кроется столько славных дел, забывать о которых грешно: всенародная забота о раненых защитниках Отечества, героический труд врачей, медсестер, санитарок, нянечек. Большинство бийских врачей работали тогда в эвакуогоспиталях, а младший медицинский персонал почти сплошь состоял из молодых бийчанок. Это были выпускницы местной фельдшерско-акушерской школы, жены фронтовиков, вчерашние школьницы, закончившие курсы сандружинниц или ничего не закончившие, но полные горячего желания помочь Родине, фронту.

Одна из этих бийчанок и сидела теперь передо мной, смущенно опустив глаза, не в привычку ей было рассказывать о себе, да еще незнакомому человеку. Однако мало-помалу разговор наладился.

— Ирина Павловна, с чего для вас началась война?

— Да, наверное, с того же, что и у всех. В воскресенье 22 июня к нам пришли гости, папины друзья по работе. Мой папа,

Павел Иванович Суртаев, с 1905 года работал в бийской типографии, его многие знали. Только сели за стол и мама стала разливать чай, вдруг начали передавать правительственное сообщение о вероломном нападении фашистской Германии

Какой после этого чай!

Папа и его друзья сразу поехали в типографию, а я – в фельдшерско-акушерскую школу, где работала лаборанткой. Год назад я закончила эту школу.

Меня сразу не взяли. За лето дважды сопровождала на запад эшелоны с мобилизованными. Осенью призвали в армию: готовилась ехать на фронт но вместо фронта меня и двух моих подружек – Ларису Еремееву и Катю Стикину – направили в Бийск, в эвакогоспиталь

– Почему именно вас?

– Нам обидно показалось почему нас а не других. Да еще в Бийск. Мы хотели на фронт. Но военком, в годах уже мужчина (говорили, участник гражданской войны), строго ответил, что в армии вопросов не задают, в армии действуют по приказу. Теперь-то я думаю, что он просто пожалел нас. Очень уж мы были молоденькие да худенькие, прямо из одних косточек. Куда таких на фронт?

В Бийске назначили меня в эвакогоспиталь № 3712. Он еще только развертывался в здании третьей школы. С утра до ночи мы белили, красили, мыли, собирали по городу кровати, мебель, постели, несли из дома занавески, салфетки, цветы, всякую мелочь. Немапо натащили всякого добра школьники, домохозяйки, старики. Предприятия и учреждения тоже ничего не жалели для госпиталей. Всем хотелось, чтобы раненым у нас было как можно лучше.

Перед приемкой раненых нас разделили на бригады. Одни должны были встречать их, другие — обрабатывать, третьи, кто посильнее — разносить по палатам. Меня назначили в перевязочную.

И вот прибыли первые раненые. Дело было уже поздним вечером. Никогда тот вечер не забуду!

Характер ранений был в основном тяжелый перелом конечностей, травма черепа, сквозное ранение грудной клетки. Почти все в гипсе, многие в кокситовых корсетах. Коксит — это как бы гипсовый корсет. Руки, ноги свободны, остальное в гипсе. Раны за дорогу были запущены, запах от них тяжелый под повязками и гипсом — вши, а то даже и черви. Глянешь — сердце заходится. Отдираешь бинт от раны, уговариваешь: "Потерпи, миленький, потерпи", а у самой — слезы из глаз. Девчонки ж были, Господи, к тому же с непривычки. Потом — то обтерпелась.

IV

Среди суровых будней военной осени, среди крови и страданий пришла, не спросясь, любовь.

Ирина Павловна сама заговорила об этом, заговорила доверчиво и просто, даже лицо ее, по-моему, не изменилось, только тихий голос стал еще теплее.

— Сережа поступил во второй прием раненых. Когда его внесли в перевязочную, все столы были заняты, и носилки пришлось поставить на пол. Что он углядел с пола, не знаю, но когда подошла его очередь, тихо и твердо попросил, чтобы его положили ко мне.

У него было ранение в шею, бедро, перелом плеча и голеностопного сустава.

Особенно запущена была осколочная рана бедра, к тому же и самая тяжелая. осколком вырван кусок мяса. Весь он был в бинтах, а нога — в гипсовом сапожке. Из бинтов смотрели глаза, усталые, настрадавшиеся. Они словно в душу заглядывали.

С помощью перекиси я удачно отделила присохшие к ранам бинты, сняла гипс, обработала раны и снова перевязала. Когда его клали на носилки, он сказал:

— Спасибо. Первый раз за все время меня перевязали без боли. Как твое имя, сестрица?

Я смутилась, ответила строго:

— Извините, мне некогда.

Он не обиделся. Когда стал ходить, нашел меня. Сережа оказался скромным, неглупым, хорошо воспитанным и, что там говорить, пригожим парнем. Держался свободно, однако без развязности, был скор на шутку, острое словцо. Старался помогать в работе, чем мог. Вместе мы выступали в госпитальной художественной самодеятельности: он неплохо играл на мандолине.

Вскоре его перевели в госпиталь № 1514, который был рядом, в учительском, ныне педагогическом институте. Оттуда он изредка присылал записочки, я отвечала. Ничего особенного в записочках не было, но какой-то узелочек между нами завязался, хотя, о своих чувствах мы не говорили ни тогда, ни после.

Когда его выписали, мы три раза сходили в кино. Однажды, узнав, что я заболела, он пришел к нам домой. Папе с мамой он тоже понравился.

Потом Сережу отправили на фронт, а вслед за ним уехала и я в ту же сторону. По мере того, как наши войска продви-

гались на запад, бийские госпитали один за другим сворачивались и подтягивались ближе к фронту. Наш госпиталь перебросили на Северный Урал.

С Сережей мы списались. Его часто перебрасывали, нас тоже подолгу не держали на одном месте. Мы то теряли друг друга, то снова находили. Порой пишешь, пишешь, в ответ — ни строчки, а потом сразу целую пачку получишь. Вот праздник!

Я его письма до сих пор храню. Если интересно, можете почитать. Увидите сами, что он был за человек.

Она вынула из стола и протянула мне пачку пожелтевших солдатских треугольников.

Все показалось мне прекрасным в Сережиных письмах: сдержанный мужественный тон, и плохо скрытое беспокойство за судьбу любимой и мужская стыдливая нежность. За скупыми строчками, написанными, судя по их виду, в окопе, в землянке, на коротком привале, угадывалось большое, настоящее чувство.

Одна из открыток словно побывала под дождем: фиолетовые чернила размыло. Некоторые слова трудно было разобрать. И почерк почему-то другой.

— Это Сережина мама сообщила мне о его гибели. А пятна — от моих слез... Открытка пришла в январе сорок пятого, а убит он был 5 декабря сорок третьего. Больше года я ничего не знала. Писала как живому. Еле тогда меня отходили. Наш госпиталь в Киеве уже стоял. Нет, в Спавуте.

Она отворачивается и вытирает рукою глаза. Рука дрожит. А я молчу, восхищенный глубиной ее чувства, хранимого, как

святыня, всю жизнь Да, есть женщины в русских селеньях...

Несколько успокоившись, Ирина Павловна продолжает.

— Восемь лет я ни на кого смотреть не могла. Хотела вообще замуж не выходить. Но... встретился человек. Правда, я сразу ему сказала: "Сережу я забыть не могу. Ты будешь ревновать меня к нему". Он ответил "Не буду. Я все понимаю". Он у меня хороший.

Ирина Павловна посмотрела на часы.

— Что ж... Пожалуй, я вам все рассказала. Что надо и не надо... День Победы мы встретили в Славуте. Оттуда вернулась в Бийск. Папа с мамой советовали отдохнуть годик-другой, но после всего пережитого я просто не могла сидеть сложа руки. Мне надо было что-то делать. Пошла работать медсестрой. Последние двадцать четыре года заведу кабинетом физиотерапии. Вся моя жизнь здесь прошла. А давно ли, кажется, были учеба, война, молодость?

— Ирина Павловна, а вы не жалеете, что такую работу выбрали: все с больными, да с больными?

— Нет. Ни одного часа не жалела. Помню, после войны пришла в свою фельдшерско-акушерскую школу. Директор меня очень хорошо принял, предложил снова место лаборантки. Прошла я по аудиториям, послушала шум и гам молодежи и почувствовала, как далека, как чужда стала мне за годы войны эта среда, насколько ближе. роднее тихие больничные палаты и люди, ждущие моей помощи. Не могу от этого оторваться.

Тася Поликарпова, гвардеец трудового фронта

Она жила в привокзальном районе. Когда началась война, часто бегала вместе с подружками на станцию – посмотреть, как уходят на запад эшелоны с мобилизованными. Потом оттуда начали прибывать поезда с ранеными, эшелоны с эвакуированными. Война, казавшаяся до сих пор чем-то далеким, нереальным, теперь предстала перед нею в образе этих людей, испытавших ужасы фашистского нашествия. С замиранием сердца смотрела она издали (близко-то не подпускали), как из вагонов несли и несли раненых, бледных, беспомощных, в бинтах и гипсе. Некоторые шли сами, на костылях или с помощью товарищей, медсестер.

Тася не могла без слез смотреть на прибывавших целыми эшелонами ленинградцев, истощенных блокадой. Какие у них были желтые, отекишие, страшные лица! Даже дети выглядели старичками.

Все сильнее росло в ней желание быть чем-то полезной для фронта, для страны в это суровое время. Но девчонку в неполных семнадцать лет нигде не принимали (потом-то начали принимать и моложе). С трудом устроилась чистить картошку в столовой для эвакуированных. Осенью перешла на швейную фабрику. Шила обмундирование для бойцов.

В середине первой военной зимы услышала от подружки новость: в город прибывает котельный завод, очень крупный, такого еще не было в Бийске. Уже набирают рабочих. Девушек будут обучать настоящим мужским специальностям: токарю, слесарю, электросварщика.

Тася слабо представляла, что такое токарный станок, но твердо решила: буду токарем! Вот настоящее дело в военную годину.

С фабрики не отпускали. Удалось перевестись на завод лишь с помощью горкома комсомола.

Станки находились еще где-то в пути, и будущего токаря определили пока в курьеры. Наконец, в марте оборудование прибыло. Для завода освободили помещения соляных складов и складов яйцебазы, а под жилье выделили два деревянных дома и несколько бараков. Этого, особенно для размещения завода, было ничтожно мало, и котельщики на некоторое время стали землекопами, плотниками, каменщиками. Валили лес (тогда он рос там, где теперь высится корпус завода), копали котлованы под фундаменты для тяжелых станков, возводили временные деревянные стены цехов. Часть станков установили прямо под открытым небом. Работали круглосуточно. Сотни людей жили, как на биваке. Тут же, у костра, обогревались, перекусывали, отдыхали. Вместе со всеми трудилась и Тася Поликарпова.

Настал день, когда ее поставили к токарному станку, в механический цех. Поучиться пришлось недолго, всего одну недельку. Через неделю их учителя Володю Витковского, молодого парня из Белгорода, призвали в армию.

Завод вводился в строй военными

темпами. Он был очень нужен стране. Уже в первые месяцы войны в восточных районах страны развернулось строительство сотен новых заводов, рудников, шахт, электростанций. Для них потребовалось огромное количество промышленных котлов малой мощности низкого давления. Но к началу 1942 года из девяти заводов, выпускавших котлы такого типа, работал лишь один, Кусинский, и то не на полную мощность. Остальные оказались на оккупированной территории. Вот почему молодых токарей часто торопили.

— Дочки, выжимайте все, что можете!

Девушки старались изо всех сил. Но очень уж трудно было каждый день по двенадцать часов стоять у станка, а если что случится со сменщицей, то и более. Особенно тяжело доставалась ночная смена. Порой просто сил не хватало одолеть сон. Тогда на помощь приходил старый мастер Прохоров. Остановившись возле той, которая сильнее других клевала носом, он, держась рукой за больное сердце, спрашивал сочувственно:

— Ну, что, стукнуть тебя?

— Стукните, только не очень больно.

От его дружеского шлепка чуть не сваливалась с ящика, который подставляла, чтобы удобнее было управлять станком. Сон на какое-то время проходил. Но чаще старый мастер говорил:

— Сядь, дочка, отдохни.

И сам становился к станку.

— Вот так и работали, — вспоминает Таисья Кузминична. — Если электричество отключат, посылают трубы таскать, уголь выгружать, двор убирать... Субботники, воскресники, подсобное хозяйство — везде мы успевали. Иной раз только доберешься до дому, на койку упадешь — будят:

— Вставай, сменщице стружка в глаз попала.

Соберешься и снова на завод.

Но хоть и уставали страшно, и голодно-вато приходилось, а жили как-то весело, настроение всегда было приподнятое. Чуть свободная минута выдаться, соберемся в углу цеха, у печки, и у нас уже шутки, песни, а то и танцы. В цехе нам выдавали ботинки на деревянной подошве, в них хорошо было чечетку танцевать. Только непрочные они: топнешь посильнее — и подошва пополам! Два раза в войну меня премировали брезентовыми туфлями сорок второго номера, а я ношу тридцать седьмой. И ничего! Даже на танцы в них бегала. Теперь детям рассказываю — смеются.

Моей сменщицей была Зоя Першина, моих, примерно, лет. Из ФЗУ к нам пришла, ко мне ее сразу приставили. Недельку постояла, хорошо стала работать, она очень понятливая, хваткая была. Вскоре начала меня обгонять. Пришлось мне подтянуться. Но и она нажала. Так и обгоняли друг друга всю дорогу, то она меня, то я ее. Потом в цехе наши портреты повесили, большие, на железных листах.

16 сентября 1942 года, ровно через полгода после прибытия последнего эшелона с оборудованием, завод выпустил первый котел. Он был отправлен "Норильскстрою". Провожать его вышли чуть не всем заводом. Всего за годы войны завод выпустил 457 котлов.

В сорок третьем Тасю Поликарпову назначили бригадиром комсомольско-молодежной бригады.

— Помню Тамару Столярову, Нелли Витковскую, Нелли Струкову, — вспоминает она. — Остальных уже забыла. Почти все

они были из Белгорода и уехали после войны домой. Как только освободили их город — готовы были по шпалам бежать туда. Как работали, спрашиваете? Ну, вот вам один пример. В марте сорок четвертого завод получил задание изготовить 20 котлов для освобожденного Донбасса. Сроку дали двенадцать дней стране очень нужен был уголь. И мы выполнили задание не за двенадцать, а за десять дней. Но в эти дни никто не уходил с завода. Так в цехе и жили. И так нередко бывало.

В сорок четвертом наша бригада завоевала третье место на заводе. Нам присвоили звание "фронтовой". Знаете, как мы этим гордились? В том же году я была удостоена звания "Гвардеец трудового фронта". Памятный был год, что и говорить...

Но огромные физические перегрузки не прошли даром. Уже в сорок четвертом стали побаливать. День Победы встретила еще в цехе, но вскоре ноги совсем отнялись. Долго лечилась. Потом вернулась на завод, но уже не к станку, врачи запретили стоячую работу...

Когда я с ней познакомился, это была пожилая, скромная женщина с медлительной тяжелой походкой (болезнь ног давала себя знать). И фамилия у нее была другая — Бочарова (по мужу). Только молодым блеском глаз, улыбкой осталась, наверное, она похожей на ту, юную Тасю Поликарпову, вожака фронтовой комсомольско-молодежной бригады, отдавшей (не побоюсь громких слов) все силы и здоровье на алтарь Отечества, когда Родина этого потребовала. Не надо бы нам таких людей забывать.

Из хроники войны

1941

Июль

ПЕРВОГО ИЮЛЯ начались занятия в школе ФЗО № 3 За годы войны школа подготовила 1225 специалистов.

Сформированы эвакогоспитали для раненых воинов №№ 1235, 1236, 1513 3710. Прибыл из прифронтовой полосы эвакогоспиталь №3731.

Для фронта был сформирован и 71-й дорожно-эксплуатационный полк. Зимой 1941 – 1942 гг. воины полка участвовали в строительстве и эксплуатации Ладожской военно-автомобильной дороги – знаменитой "Дороги жизни".

Август

Прибыла из г. Речица (Белоруссия) спичечная фабрика. Выдала первую продукцию 13 апреля 1942 г.

Сформированы эвакогоспитали №№ 1233, 1234, 1514, 2501.

Сентябрь

Прибыла из г. Николаева обувная фабрика. Выдала продукцию в первых числах января 1942 г.

На уборку урожая в колхозы и совхозы отправились 4030 бийчан, в их числе 1000 домохозяек.

Октябрь

Прибыл из г. Белополья (Украина) завод № 5 Главпищемаша НКПП СССР (позже – завод "Продмаш"). Выдал первую продукцию 18 ноября 1941 г.

Прибыло из г. Сухиничи Смоленской области железнодорожное училище № 4. Приступило к занятиям 1 ноября. За годы войны подготовило 879 специалистов для железнодорожного транспорта. Всего за 1941 – 1945 гг. училища и школы ФЗО города подготовили 2900 специалистов.

Завод "Механлит" выполнил годовую производственную программу 16 октября. На заводе было 113 стахановцев, 30 ударников, 23 двухсотника (так называли тех, кто выполнял за смену по две и более нормы – "за себя и за товарища, ушедшего на фронт").

Горисполком принял решение о строительстве 252 землянок и 7 бараков для эвакуированных.

Начался сбор теплых вещей для воинов Красной Армии. На бийском железнодорожном узле из 1273 рабочих сдали теплые вещи 1100. За три года войны бийчане сдали 399 полушубков, 1950 пар валенок, 4250 шапок-ушанок, 1253 комплекта ватных фуфаяк и брюк и т.д.

Ноябрь

Прибыл из г. Серпухова завод № 479 Наркомата боеприпасов. Выдал первую продукцию 20 декабря 1941 г.

Прибыл из г. Харькова Украинский институт экспериментальной эндокринологии. За 1941 – 1944 гг. выпустил более шести миллионов флаконов лекарств: адреналина, инсулина, пантокрина, холосаса и др.

Прибыл для работы в Бийск краевой

драматический театр. Работавший в городе колхозно-совхозный театр переведен в г. Рубцовск (в 1943 г. преобразован в Рубцовский драмтеатр).

Декабрь

Прибыло из г. Москвы часть оборудования заводов "Промэлектропечь" и Московского завода электротермического оборудования (МЗЭТО). Созданный на этой базе завод "Электропечь" выпустил первую продукцию в мае 1942 г. За годы войны дал стране 914 печей.

Прибыл коллектив Московского театра имени Ленсовета (18 семей). Вошел в состав краевого драмтеатра.

Прибыл эшелон с оборудованием Ворошиловградской, а в январе 1942 г. — Сергеевской швейных фабрик. Созданная на их базе швейная фабрика N 2 выдала первую продукцию 17 февраля 1942 г. За годы войны выпустила 1 млн. комплектов военного обмундирования.

1942

Январь

Сформированы и отправлены на фронт 239-й и 288-й отдельные лыжные батальоны.

Поддерживая инициативу машинистов Южно-Уральской ж. д. бригады четырех паровозов Бийского депо организовали колонну имени Государственного Комитета Обороны. Командиром колонны стал машинист Алексей Федорович Воронков.

Февраль

Центральная городская библиотека скомплектовала библиотечки для эвакуированных госпиталей (свыше 6 тыс. томов).

Коллективами школ города собрано около 5 тыс. вещей для эвакуированных детей.

Март

15 марта из г. Белгорода прибыло оборудование котельного завода с небольшим количеством рабочих и инженерно-технического персонала. Завод выпустил первый котел 15 сентября 1942 г. За годы войны дал стране 457 котлов.

Перестройка экономики города на военный лад полностью завершилась к середине 1942 г. В Бийске была создана машиностроительная промышленность, которая стала ведущей отраслью народного хозяйства города. В 1942 г. объем промышленного производства увеличился на 44 процента. Бийск давал около одной четверти промышленной продукции Алтайского края. На предприятиях города выпускались: пятидесятимиллиметровые минометы и мины к ним, зажигательные авиабомбы (завод "Продмаш"), ручные гранаты, запалы, детонаторы (завод № 479), котлы, электропечи, обмундирование, обувь и т. д.

5 марта создана Агитплакатная мастерская (директор ЛА Зингер, художественный руководитель – заслуженный деятель искусств РСФСР М.М. Черемных). За первые четыре месяца мастерская выпустила 1700 плакатов. В мае художнику М.М. Черемных была присуждена Государственная премия.

Апрель

Государственный военный заем 1942 г. реализован на 6708340 руб. Подпиской охвачено 99 процентов рабочих и служащих.

Май

С Алтая ушел на фронт третий эшелон с подарками.

Июнь

Обеспеченность кадрами составляла: на мясокомбинате – 85%, швейной фабрике – 69%, заводе "Электропечь" – 33,6%, заводе N 479 – 51%, заводе "Продмаш" – 48%. Количество женщин на предприятиях Бийска за год войны увеличилось с 14,5 до 60,3%.

Декабрь

К концу 1942 г. население Бийска увеличилось с 84,3 тыс до 100 тыс. человек. Кроме того, около 40 тыс находились в воинских формированиях и госпиталях.

1943

Январь

Коллектив паровозного депо собрал 68,5 тыс рублей на строительство самолета "Рабочий Бийского депо".

Горисполком направил на фабрики и заводы города 140 служащих

Апрель

Коллектив котельного завода, собравший кроме ранее внесенных 23 тыс. рублей на строительство танковой колонны "Алтайский колхозник", дополнительно 78 тыс. рублей, на строительство самолета "Бийский котельщик", получил благодарность Верховного Главнокомандующего.

Коллектив лесозавода, собравший 117 тыс. рублей на самолет имени Героя Советского Союза Марины Расковой, пол-

учил благодарность Верховного Главнокомандующего.

Май

Трудящиеся Бийска, собравшие кроме ранее внесенных 2164900 рублей и облигациями госзаймов 2894505 рублей дополнительно на танки и самолеты 1987206 рублей, получили благодарность Верховного Главнокомандующего.

Краевой драмтеатр получил благодарность Верховного Главнокомандующего за собранные 140 тыс. рублей в Фонд обороны и для оказания помощи детям фронтовиков.

Август

Обувной фабрике вручено Переходящее Красное знамя крайисполкома и крайлегпрома как лучшему предприятию легкой промышленности края.

Сентябрь

Совместным решением бюро ГК ВКП(б) и горисполкома учреждена "Книга почета гвардейцев трудового фронта". За годы войны в нее внесено 32 человека и один коллектив – Украинский институт экспериментальной эндокринологии.

Октябрь

Спиртзаводу присуждено Переходящее Красное знамя Государственного Комитета Обороны.

Убыл из Бийска в Барнаул краевой драматический театр.

Стахановка завода "Продмаш" А.В. Шумкина довела выполнение нормы до 1106%. Она первой занесена в "Книгу почета гвардейцев трудового фронта". По десять и более норм выполняли стаха-

новки того же завода токарь АА. Медведева и электросварщица Е.С. Фридкис.

Ноябрь

За 1942 — 1943 гг. учащимися и учителями школ собрано: на танковую колонну "Алтайский колхозник" — 73283 рубля; на танковую колонну "Пионер Алтая" — 7 тыс. рублей; на оказание помощи эвакуированным детям — 10700 рублей; вещей для эвакуированных детей — 9675; деньгами и облигациями в Фонд обороны — 109973 рубля; металлолома черного — 13311 кг; цветного — 480 кг. Заработано в колхозах трудодней — 6266.

Декабрь

14 декабря спектаклем К. Симонова "Жди меня" начал свою деятельность вновь созданный (на базе Каменского) Бийский городской драматический театр

1944

Январь

Заводы и фабрики были полностью укомплектованы валифицированными кадрами. Количество рабочих по сравнению с 1941 г. увеличилось на 56%, а специалистов с высшим и средним специальным образованием — в 2,4 раза.

Апрель

Члены кассы взаимопомощи при городском отделе соцобеспечения, собравшие 10 тыс. рублей в Фонд обороны, получили благодарность Верховного Главнокомандующего.

Май

По подписке на Третий военный заем

Бийск занял первое место в крае. Сумма подписки превысила 15 млн. рублей. На- личными внесено 826200 рублей.

Июнь

Прихожане Покровской церкви (пред- седатель приходского совета Ефимова, протоиерей, настоятель Копытин), собрав- шие 150 тыс. рублей в Фонд обороны, получили благодарность Верховного Глав- нокомандующего.

Прихожане той же церкви, собравшие 100 тыс. рублей на строительство само- лета "Александр Невский", в третий раз за годы войны получили благодарность Вер- ховного Главнокомандующего

Сентябрь

Мясокомбинату присуждено Переходя- щее Красное знамя Государственного Ко- митета Обороны и первая премия — 65 тыс. рублей.

Открыта детская музыкальная школа

Октябрь

Трудящиеся города взяли на воспита- ние 130 детей-сирот.

Декабрь

Закрчили обучение военно-санитар- ному делу 3 тысячи бийчан. Продолжают обучение 11776 человек.

В городе созданы три района — Центральный, Промышленный, Заречный.

1945

Январь

За успешную и самоотверженную ра- боту по обучению и воспитанию детей награждены орденами и медалями СССР

шесть учителей города: АИ Ченцова, АГ Куршина, Н.И. Мироненко, П.П. Пошовкина, А.С. Марченко, М.З. Халяпина.

Февраль

Работники Бийской пожарной охраны, собравшие 72 тыс рублей на постройку авиаэскадрильи "Алтайский пожарник", 10,5 тыс. рублей на постройку танковой колонны "Пожарник", 37,5 тыс. рублей компенсации за неиспользованный отпуск на вооружение Красной Армии и 165 пудов хлеба в Фонд Красной Армии, получили благодарность Верховного Главнокомандующего.

Всего за годы войны трудящиеся Бийска добровольно внесли в Фонд обороны свыше 61 млн. рублей, что составило более двух тысяч рублей на каждого работающего.

За боевые заслуги свыше 15 тысяч бийчан награждены орденами и медалями СССР, 26 человек удостоены звания Героя Советского Союза.

За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 5207 бийчан награждены орденами и медалями СССР

Содержание

<i>Возвращение. Вступительная</i>	
статья В.А. Возчикова.....	5
<i>От автора</i>	8
Тыловые будни	9
Шура Шумкина, тысячница.....	24
Учителя и ученики	29
На правом крыле	38
"Здравствуйте, дорогие сестрички..."	48
Тася Поликарпова, гвардеец трудового	
фронта	59
Из хроники войны	63

Василий Федорович Гришаев
В тыловом городе

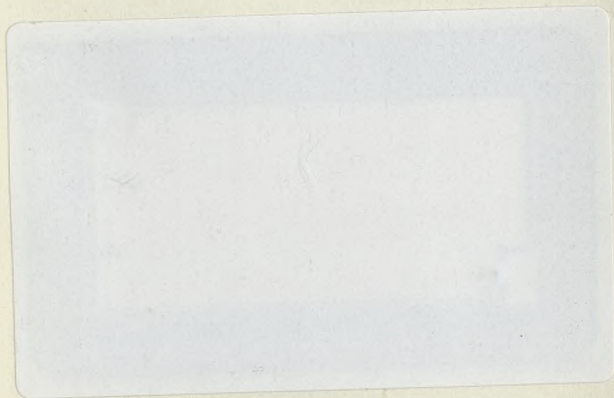
Редактор А. Дейкина.
Технический редактор А. Смахова.
Корректор Л. Блохина.

Сдано в набор 24.11.94. Подписано к печати 12.01.95.
Формат 84х108/32 Бумага типографская. Гарнитуры Journal,
Dutch. Печать офсетная. Физ. печ. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,185. Ти-
раж 500 экз. Заказ № 214, с. 8.

Научно-издательский центр БигПИ – 659333.
г. Бийск, ул. Короленко, 53.

Производственно-полиграфическое объединение "Катунь" –
659300, г. Бийск, ул. Советская, 6.

. 5
. 8
. 9
. 24
. 29
. 38
'48
ого
59
63

500р.